

в основном растительного. Обложка — двухцветная, под синюю набойку. Издание значительно бы выиграло, если бы были помещены рисунки и фотоснимки этнографического характера: типы словakov в национальных костюмах, жилище, орудия и утварь, пейзажи Словакии и т. п.

В языке сказок местами чувствуется литературная обработка, производившаяся собирателями с целью их «облагораживания»: несвойственный народной речи усложненный синтаксис с обильным придаточных, в особенности деепричастных, предложений, смягченная лексика, лишь с местами прорывающимися меткими и грубоватыми выражениями. Степень обработки некоторых текстов напоминает украинские сказки Гоголя (см. «На всех не угодишь»). Так, вводная часть к преданиям о Яношике — с точным географическим описанием местностей, где действовал отряд Яношика, — составлена, несомненно, самим собирателем, с целью показать просторы своей родины и занимаемое ею положение в центре Европы. «Представь себе обильные леса и водами пространство, омываемое Рымавой, Сланей, Гроном, Горнадом, Попрадом, Вахом, Оравой, Турцем, Нитрой, Кисуцей и граничащее с Моравией, Силезией, польской Галицией, а на юге доходящее до Дуная. Вот там и появился в 1711 году настоящий Яношик» (стр. 33).

Несколько слов о переводе. В основном он отличается достаточной художественностью. Вообще Д. А. Горбов известен как добросовестный переводчик. Своеобразный колорит придает языку сказок сборника помещение глагола на последнем месте и сохранение этого даже в ритмизованных предложениях в «общих местах»: конь начал «с борозды на борозду, с межи на межу, с полосы на полосу скакать» (стр. 120). Некоторые шероховатости все же останавливают внимание. Непонятно, что значит выражение «лепешки из золы», — вероятно, испеченные в золе, как об этом способе говорится в сказке «Три прачки». Не по-русски звучит выражение «изблизил стал мантий»; в то же время своеобразие словацкой народной речи нарушается русизмами вроде: «по гóрам, по долам», «смотрит как баран на новые ворота» (стр. 121). Неточность перевода дала противоречие: название сказки «Пастух Янко и прекрасная змейка», а в тексте ее Янко «увидал под деревом страшную змею». Неудачен перевод понятия «знахарь» — «пророк».

Издание сказок словацкого народа в настоящее время, при интересе советской общественности к странам народной демократии, очень своевременно. Но картина Словакии, вырисовывающаяся в сказках, не соответствует ее состоянию на сегодняшний день. При издании старинных сказок, изменив и самый подбор их, надо было говорить, что это — прошлое народа, и дать хотя бы краткое описание происходящей сейчас в Словакии упорной борьбы за перестройку труда и быта, перспективы ее на будущее.

Можно пожелать, чтобы в ближайшее время был подготовлен и издан больший по объему, более современный по времени записи текстов, комментированный сборник словацких сказок, что дало бы возможность советскому читателю ближе познакомиться с народным творчеством Словакии.

Р. Лунец

НАРОДЫ АФРИКИ

A. T. Bryant, *The zulu people. As they were before the white man came.* Pietermaritzburg, 1949.

Автор книги — миссионер, проживший среди зулусов около полусотни лет. В течение многих лет он работал преподавателем языков банту в университете Витватерсранда (Южно-Африканский Союз). В 1903 г. он опубликовал зулу-английский словарь, в 1929 г. — капитальное исследование по зулусам: «Старые времена в Зулуленде и Натале». Настоящая книга является его последней работой, обобщающей его личные наблюдения и исследования в течение полустолетия. Автор использовала всю вышедшую до сих пор литературу по истории и этнографии зулусов. Рецензируемая работа может рассматриваться поэтому как последняя, наиболее полная сводка наших знаний по зулусам, какими они были до порабощения их английским империализмом, сделанная наиболее компетентным человеком.

Автор — не только знающий жизнь зулусов человек. В отличие от подавляющей части буржуазных историков и этнографов африканских народов, банту в частности, он человек честный, его симпатии на стороне зулусов. Свой труд он посвящает зулусам — «моим компаньонам и друзьям».

Давая обстоятельную, пространную характеристику антропологического типа зулусов, он восхищается их физической красотой, «Зулусы пользуются широко известной и заслуженной репутацией очень красивых людей. Они и на самом деле красивы» (стр. 92). Автор дает правильное объяснение черного цвета кожи негритянского антропологического типа, указывая на его защитную функцию (стр. 100).

Книга посвящена описанию жизни зулусов до прихода белых колонизаторов, и потому автор не касается совершенно чудовищной политики расовой дискриминации и империалистической эксплуатации зулусов, осуществляемых англо-африкандерскими помещиками и капиталистами. Однако частные замечания и сравнения, разбросанные по всей книге, позволяя составить правильную оценку той «цивилизации», которую принесли зулусам английский империализм.

Так, например, автор прямо заявляет, что такие болезни, как туберкулез, тиф, проказа и другие, не были известны зулусам, они появились и получили широкое распространение в период английского империалистического господства. Ссылаясь на официальный документ — доклад Южноафриканского института медицины, опубликованный в апреле 1932 г., автор указывает, что 72% африканцев, работающих в шахтах Йоханнесбурга, больны туберкулезом (стр. 122). Автор опровергает лживое утверждение родоначальника современных реакционных расистских теорий Гобино о том, что «цивилизованный человек физически сильнее дикаря» (стр. 124).

В заслугу автору надо поставить и то, что он призывает рассматривать историю страны как историю ее народа. «Сегодня мы требуем, чтобы история страны была историей ее народа, простых людей не меньше, чем великих, чтоб она давала нам их происхождение, их борьбу и завоевания, их жизнь и думы...» (стр. 72).

Автор книги — буржуазный исследователь, миссионер. Присущая ему ограниченность буржуазного мировоззрения, окрашенного в миссионерский цвет, оставляет яркий отпечаток на всей его работе. Можно не ставить в вину автору то, что он совершенно обошел вопрос об империалистическом порабощении зулусов, поскольку книга посвящена их прошлому. Имеется ряд других, и серьезных, пороков.

Автор стоит на позициях географического детерминизма. «Народы, индивидуумы и массы растут подобно животным и растениям: они приспосабливаются к окружающей среде, и эта среда делает их. *Nolens volens*, примитивный человек был и остается вынужденным питаться, одеваться, строить, говорить, жить, расти так, как определяет или позволяет его окружение. Независимо от его внутреннего сознания, его средства и возможности определены его окружением, он должен или приспособиться к нему, или умереть» (стр. 73). Для автора не существует таких понятий, как способ производства, производительные силы, классы и борьба классов, никаких специфических общественных законов развития. Эта порочная концепция определяет весь характер описания жизни зулусов.

Автор старается выставить зулусов в самом лучшем свете и потому идеализирует примитивную жизнь зулусов. Он отвергает теорию «золотого века» (стр. 183), но тем не менее дает картину счастливой Аркадии (одна из глав книги — шестая — так и названа: «Повседневная жизнь в Аркадии»). По существу он стоит на позициях старой, выдвинутой первыми миссионерами в колониях, теории «добраго дикаря». Это своеобразный расизм. Для автора зулусы — это особая раса (хотя об этом он нигде не говорит): она не хуже и не лучше белой расы, это не низшая и не высшая, а просто особая раса с особыми, только ей присущими, чертами.

Автор не придерживается общепринятых в науке определений рода и племени и путает их. Термин «племя» он применяет лишь условно, с оговоркой «если хотите» (стр. 2), предпочитая собственное название — «родовая семья» (т. е. семья родов). Совершенно неправильно называет он племенем шестимиллионный народ зулу — коса, говорящий на языке, относимом к группе нгуни, а зулусов — родом, кланом. Поэтому описание общественного устройства племени он дает как общественное устройство рода.

Автор, подобно многим буржуазным исследователям, модернизирует общественное устройство зулусов. Посвященную этому вопросу 12-ю главу он назвал: «Государство и король». Он проводит совершенно неприемлемые параллели между общественным устройством зулусов, Спартой и рабовладельческим Египтом эпохи фараонов. Вождя племени он превращает в абсолютного монарха и деспота (стр. 460), а его главного советника в премьер-министра.

Зулусы до XIX в. еще не знали классового деления общества: они никогда не имели рабов и не торговали рабами; можно было говорить лишь о начальных стадиях феодальной эксплуатации народных масс вождями племен и старейшинами родов. Не знали они и государства. Впервые родовое устройство зулусов заменяется политическим, государственным устройством во второй четверти XIX в. и связано с именами Чаки и Днигаана. Но автор дает описание общественного устройства зулусов, каким оно было до Чаки и Днигаана, называя введенные ими изменения переходом к «тирании» (стр. 460).

Автор совершенно неправ в отношении Чаки и Днигаана. Это были выдающиеся люди в истории зулусов XIX в. Проведенная ими перестройка общественной жизни зулусов, неизбежно сопровождавшаяся насилием, была вызвана угрозой английского империалистического вторжения. В результате деятельности Чаки и Днигаана зулусы создали такую военную организацию, которая позволила им оказать английским захватчикам упорное сопротивление, вызвавшее восхищение Ф. Энгельса («Происхождение семьи, частной собственности государства»).

Автор противопоставляет «деспотизм королей» зулусов английской государственной системе, которая якобы свободна от коррупции (стр. 462). Имеется в книге немало и других, не столь значительных недостатков.

Тем не менее следует признать, что автор безусловно выделяется из среды идеологических оруженосцев британского империализма как положительная фигура и крупный знаток зулусов, что книга дает исчерпывающую этнографическую характеристику зулусов и является крайне ценным пособием для этнографа и историка.

И. Потехин

Rebecca Hourwich Reyer, *Zulu woman. Christina, First wife of Solomon, king of the Zulu. The story of a modern woman's rebellion against polygamy*. N. Y., Columbia University Press, 1948.

Рецензируемая книга написана полтора десятка лет назад, но появилась в свет только в 1948 г., в издании Колумбийского университета в Нью-Йорке. Сам автор объясняет это тем, что до второй мировой войны он не мог найти издателя, так как всюду получал один ответ: Зулуленд¹ очень далеко от Америки, и эта книга не сможет заинтересовать американского читателя. Автор ставит на этом точку и не объясняет, почему теперь, после второй мировой войны, Зулуленд оказался «близко» к Америке и почему теперь книга об Африке пользуется спросом. Дополним объяснения автора.

Капиталовложения американских монополий в Южной Африке уже в 1948 г. вдвое превышали сумму довоенных капиталовложений. Экспорт из США в Южно-Африканский Союз увеличился в шесть раз. Американские поджигатели войны оказывают фашистскому правительству Маланга щедрую помощь в превращении Южной Африки в военно-стратегическую базу. Правительство Маланга отправило в Корею эскадрилью самолетов в помощь американским разбойникам, заявило о своей готовности присоединиться к агрессивному Северо-атлантическому пакту и т. д. В Южно-Африканском Союзе начата добыча урановой руды. Вслед за американским капиталом, американским вооружением и третьесортными товарами в Африку двинулись разного рода коммивояжеры, советники, разведчики, этнографы и писатели. Африканская тематика занимает ныне видное место в продукции всех американских издательств. Теперь сочли нужным издать и залежавшуюся рукопись Ребекки Рейер «Женщина зулу».

«Женщина зулу» — не научное произведение: это — беллетристически изложенная история жизни зулусской женщины Кристины Сибья, одной из жен верховного вождя зулу, с которой американская журналистка познакомилась в 1934 г. во время посещения Зулуленда. Тем не менее эта книга представляет определенный интерес для советского этнографа.

В книге довольно четко обрисована одна из многих марионеток английского империализма в Африке — «король» Соломон Динизулу. Уже с самого детства Соломона старательно готовили к его будущей роли: сперва на о. Св. Елены, куда был послан его отец за подготовку восстания против англичан, а затем в самом Зулуленде, где Соломон воспитывался в миссионерской школе под руководством епископа Коленса и его дочерей. В 1913 г., после смерти отца, Соломон становится правителем Зулуленда, «королем» зулу.

К этому времени основная масса зулу была сконцентрирована в Зулуленде, в различных районах которого были разбросаны резиденции Соломона: в Зибиндини, Махашини, Нонгома и др. Соломон являлся владельцем больших участков земли, примыкающих к этим резиденциям, ему принадлежало довольно значительное количество скота, унаследованного от отца. В каждой резиденции находился скотный двор, куда приходил Соломон, когда требовалось уплатить лоболо за очередную жену. По возможности Соломон старался уклониться от уплаты лоболо. Это ему удавалось тогда, когда он брал девушку из семьи простого соплеменника; иногда же он уплачивал часть лоболо. Число жен Соломона установить трудно, так как сама Кристина не могла определить этого. По словам Кристины, в каждой резиденции Соломона находились жены и «девушки»; за первых было уплачено лоболо полностью или частично, за вторых лоболо не было уплачено, и иногда, правда, очень редко, они возвращались к своим родным.

В центре резиденции, окруженной камышовой изгородью, находилась хижина «короля», вокруг которой располагались хижины его жен. В начале своего правления Соломон жил в обычной зулусской хижине, которая отличалась от хижин простых зулу большим размером и внутренним убранством. Бронзовая кровать с постельными принадлежностями (простынями, подушками) и искусно вышитым покрывалом, стол, покрытый разрисованной клеенкой, стулья, буфет с фарфоровой посудой — такова внутренняя обстановка хижины «короля». Позднее Соломон выстроил себе кирпичный дом европейского типа в Махашини. Стены комнат были украшены портретами членов английского королевского дома. В шкафах хранились бутылки с виски и дорогие сигареты. Одевался Соломон в европейский костюм, преимущественно военный, носил

¹ Резерват банту (зулу) в провинции Наталь Южно-Африканского Союза.